

СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТИЯ И ВОЙНА.

Рѣчь Г. В. Плеханова, произнесенная 9-го іюня, на Всероссийскомъ съездѣ Совѣтовъ Р. и С. Депутатовъ.

(По стенограммѣ).

Товарищи, прежде всего позвольте мнѣ поблагодарить васъ за тотъ горячій привѣтъ, съ которымъ вамъ угодно было ко мнѣ обратиться. Этотъ привѣтъ тѣмъ мнѣ дороже, что на меня, за мои воззрѣнія на революцію и на задачи революціи во время войны, не разъ слышались такіа обвиненія, что когда о нихъ вспомнишь, то дѣлается стыдно — не за себя, а за тѣхъ, которые съ ними противъ меня выступали. Но я долженъ сказать, товарищи, что лично я никогда не смущался этими обвиненіями. Иногда даже близкіе мои друзья приходили ко мнѣ и говорили, что мои противники въ лагерѣ революціонеровъ стараются создать мнѣ дурную репутацію. По этому поводу я вспоминалъ Дантона. Однажды къ великому французскому трибуну пришла его жена и сказала: «Ваши враги хотятъ запятнать ваше имя». Онъ на это отвѣтилъ такъ: «Что мнѣ мое имя, пусть запятнаютъ его, но пусть Франція будетъ свободна». Точно также и я скажу, товарищи: «Пусть запятнаютъ мое имя, но пусть русская революція восторжествуетъ; пусть она не будетъ раздавлена пятой германскаго империализма!» (рукопл. справа).

Затѣмъ я долженъ сознаться, товарищи, что меня немножко удивило то обстоятельство, что какъ только я сегодня вечеромъ явился въ это засѣданіе, — это, конечно, чистая случайность, но она довольно характерна, — мнѣ пришлось сейчасъ же познакомиться со сторонами, которую здѣсь называютъ лѣвой. Я не знаю, нѣтъ ли тутъ известнаго терминологическаго злоупотребленія, но, очевидно, терминъ этотъ у васъ установленъ. Итакъ, гражд. Троцкій упоминалъ, не безъ упрека, то обстоятельство, что мое имя было подписано подъ воззваніемъ, исходившимъ отъ военной группы «личнаго примѣра». Да, мое имя было подписано подъ этимъ воззваніемъ, равно какъ имя Л. Г. Дейча и В. И. Засулича. Признаюсь, я рѣшительно не вижу оснований для какого бы то ни было обвиненія по этому поводу. Но разъ гр. Троцкому угодно было выступить противъ меня съ обвиненіемъ, я скажу словами Ласалы: «Я — старый боецъ, мой щитъ убивая непріятельскими стрѣлами, и одной стрѣлой больше, одной стрѣлой меньше, это для меня расчета не составляетъ».

Притомъ я долженъ еще замѣтить, что та стрѣла, которую угодно было направить противъ меня гражд. Троцкому, оказывается, къ сожалѣнію, недостаточно заостренной. Въ чемъ, собственно, дѣло, въ чемъ здѣсь преступленіе, или, не скажу: преступленіе; въ чемъ проступокъ, который заслуживалъ бы хотя малѣйшаго упрека? Возникаетъ группа «личнаго примѣра» — замѣтите, не такая группа, которая требуетъ какихъ-нибудь наказаній, не такая, которая говорить: «Солдатамъ нужно навязать то-то и то-то, такую-то дисциплину». Нѣтъ, она говорить: «По нашему мнѣнію, настроеніе въ нашей арміи очень неудовлетворительно. По нашему мнѣнію, боевая мощь Россіи падаетъ; мы должны личнымъ примѣромъ поднять духъ арміи». Что же тутъ плохого, товарищи? Противъ личнаго примѣра не stanno возражать даже анархисты, и я не понимаю, почему товарищи слѣва, по крайней мѣрѣ, гражданинъ Троцкій огорчается этимъ обстоятельствомъ. Личный примѣръ подать никому не запрещено, тѣмъ болѣе, если этотъ примѣръ связанъ съ самоотверженіемъ, съ героическимъ выступленіемъ противъ врага. Говорять, въ воззваніи названной группы много грубыхъ преувеличеній; указываютъ на то, что, въ сущности, въ нашей арміи на-

строеніе не падаетъ, деморализація нѣтъ, а есть только известное недоумѣніе и возникаетъ вопросъ о цѣляхъ войны. Наша армія, говорятъ намъ, не выжила себя цѣлой войной; именно поэтому она и находится въ томъ состояніи, которое нѣкоторымъ изъ насъ, провинившимъ изланнымъ несимпатично, кажется деморализаціей русскаго солдата. Такъ ли это, товарищи, на самомъ дѣлѣ? Конечно, вѣдемъ вамъ известно, что у насъ было огромное число дезертировъ; говорятъ, что число это достигаетъ 2 милліоновъ. И вотъ я спрошу васъ: «Что же, неужели эти дезертиры покинули свой постъ, оставили окопы, бросали винтовки, затѣмъ, чтобы идти въ деревню, справляться у своихъ бабъ и деревенскихъ стариковъ о цѣляхъ войны?» Нѣтъ, разумеется, они оставили армію не потому, что имъ хотѣлось справиться о цѣляхъ войны, а потому, что они просто не хотѣли принимать въ ней участіе. Каждый шелъ для себя, каждый шелъ въ одиночку, а если и составлялись въ данномъ случаѣ кучки, то единственно съ цѣлью побѣта. Вы знаете, какіе страшные безпорядки учинились тѣмъ же самыми дезертирами. Это ли свидѣтельство о высокому подъемѣ духа у арміи? Нѣтъ! Гражданинъ Троцкій сослался на одинъ рассказъ Глѣба Успенскаго, въ которомъ есть сравненіе привычекъ русскаго народа съ привычками воблы. Онъ говоритъ, наша революція разрушила психологію воблы. Я долженъ замѣтить, что этотъ рассказъ, очевидно, нехорошо сохранился въ памяти гражданина Троцкаго. Психологія воблы, жизнь воблы въ данномъ случаѣ не при чемъ. Всякій, кто интересовался животными обществами, скажетъ, что вобла не есть общественное животное. Каждая единичка живетъ отдельно, и никогда, разумеется, вобла не ставила передъ собой какихъ-нибудь цѣлей, которыя заключались бы въ дурно или хорошо понятой защитѣ общихъ интересовъ. Въ томъ-то и дѣло, товарищи, что психологія воблы, психологія индивидуума, который хотя и живетъ въ кучкѣ, но еще не доросъ, не возвысился до сознанія общихъ интересовъ, психологія этой воблы живетъ и въ нашихъ дезертирахъ; живетъ во всѣхъ тѣхъ солдатахъ, которые уходять изъ окоповъ, говоря: «Ну васъ, совѣтъ, я пойду къ себѣ». Революція къ сожалѣнію, еще не разрушила этой психологіи. И когда мы наблюдаемъ, это, мы говоримъ словами Некрасова: «Видимъ мы живущій оцп и за отчизну болѣеть». Какъ же не болѣть за отчизну въ самомъ дѣлѣ! Вспомните примѣры нѣкоторыхъ другихъ революцій. Вспомните англійскую революцію 17-го вѣка. Солдаты Кромвеля были лучшими солдатами своего времени: когда они отбѣдали напитокъ революціи, сердца ихъ забилась мужествомъ, у нихъ явилось желаніе постоять за общее дѣло. Французскіе санкюлоты показали себя героями. Босне, голодные, они одерживали такіа побѣды, какъ побѣда подъ Вальми и Жемаппомъ. Они не боялись наступленія, они шли въ наступленіе, опять-таки потому, что въ ихъ сердцахъ революція разрушила психологію воблы, что они возвысились до сознанія общей цѣли. Къ сожалѣнію, повторяю, у дезертировъ или у людей, настроенныхъ подобно имъ, эта психологія воблы преобладаетъ; ее нужно разрушить, и, конечно, очень жаль, что она еще не разрушена. Разрушенію этой психологіи обязанъ способствовать каждый изъ насъ, личнымъ-ли примѣромъ, организованнѣйшими совокупными дѣйствіями, или, наконецъ, поддерживая мѣропріятія нашего правительства, которое теперь является выразителемъ воли страны. Но для того, чтобы разрушить эту психологію, нужно приводить въ ясность сознаніе солдата точно такъ же,

какъ и сознаніе массы народной, которая, къ сожалѣнію, просвѣщена еще не вполне. А я утверждаю, что та тактика, которую рекомендуютъ хотя бы по отношенію къ арміи, наши противники, не приводитъ въ ясность этого сознанія, а, напротивъ, затемняетъ его. Вмѣсто того, чтобы разъяснить нашимъ солдатамъ и всему нашему народу цѣли той революціонной войны, которая въ настоящее время ведется, они представляютъ эти цѣли въ такомъ густомъ туманѣ утопіи, что народъ окончательно теряется. По крайней мѣрѣ, вооруженная часть народа — солдаты, — перестаетъ понимать что бы то ни было, и результатомъ является разложеніе нашей арміи, упадокъ ея боевой мощи.

Намъ говорятъ, что мы недостаточно миролюбивы, и этотъ упрекъ обращается не собственно лично ко мнѣ и моимъ ближайшимъ единомышленникамъ, онъ обращается, между прочимъ, и къ нашему временному правительству, которое упрекаютъ въ томъ, что оно слишкомъ слабо напирать на нашихъ союзниковъ, что оно не грозитъ имъ разрывомъ. Но разрывъ былъ бы самоубійствомъ русскаго революціи. Россія оказалась бы оторванной отъ союзниковъ, лишеной военныхъ припасовъ, финансовая система ея была бы окончательно подорвана, вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ грозила бы съ востока Японія, а Германія, видя насъ совершенно изолированными, безпрепятственно продиктовала бы намъ свои условія. Россія была бы раздавлена. Въ экономическомъ и политическомъ смыслѣ она была бы поставлена въ такіа условія, при которыхъ ея развитіе сдѣлалось бы, если не окончательно невозможнымъ, то, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно сильно замедленнымъ, и это замедленіе нашего экономическаго и политическаго развитія невыгодно отразилось бы, прежде всего, на развитіи нашего пролетариата, на развитіи революціонныхъ силъ въ нашемъ народѣ. Мы превратились бы въ нѣчто вроде Китая на востокѣ Европы и, разумеется, такого застоя мы не желаемъ и желать не можемъ. Гражданинъ Троцкій сказалъ: намъ: «Изолированная такимъ образомъ Россія провозгласила бы своею цѣлью социальную революцію и обратилась бы съ призывомъ къ народамъ всѣхъ другихъ странъ». Одинъ изъ предыдущихъ ораторовъ, вооружившихъ гражданину Троцкому, говорить: «Да видѣ это старая бакунинская тактика». И онъ былъ совершенно правъ: это именно старая бакунинская тактика. Гражданинъ Троцкій говоритъ: «Вы требуете гарантій, но гарантій мы не можемъ вамъ дать». Изъ его дальнѣйшихъ разсужденій слѣдовало одно: «смѣлымъ Богъ владѣеть», и мы, во всякомъ случаѣ, должны сдѣлать попытку социалистической революціи. Но, видѣ, это же и есть старая пошлѣлая бакунинская тактика. Бакунины проповѣдывали «святое дѣло бунта». «Вунтъ, какъ бунтъ, хотя бы и подавленный», — говорилъ онъ, — оставляетъ такой слѣдъ, который будетъ способствовать дальнѣйшему революціонному воспитанію народа». Это — то совершенно ошибочное предположеніе, которое разрушалось въ головахъ русскихъ социалистовъ по мѣрѣ распространенія въ ихъ средѣ марксистскихъ понятій. Гражданинъ Троцкій отстаетъ рѣшительность революціонныхъ дѣйствій. Рѣшительность — прекращеніе вѣны, но надо, чтобы рѣшительность сопровождалась сообразительностью (смѣхъ). Если же этого не будетъ, то рѣшительность, вмѣсто того, чтобы нанести ударъ врагу, нанесетъ ударъ намъ самимъ...

Предсѣдатель. Товарищъ Плехановъ ваше время истекло. (Голоса: «просимъ, безъ ограниченія времени»).

Г. В. Плехановъ. Товарищи, благодарю васъ за продолженіе времени, находящагося въ моемъ распоряженіи. Разъ оговорившись «дѣломъ о членѣ съѣзда» мнѣ вспомнить какъ во время севастопольской кампаніи, покойный графъ Толстой, въ известномъ стихотвореніи, осмѣливалъ рѣшительность дѣйствій нѣкоторыхъ русскихъ генераловъ. Въ этомъ стихотвореніи дѣло изображалось такъ. Предложивъ начать наступленіе генералу Липранди.

А Липранди, нѣтъ, атланде,
Я, молъ, не пойду,
Туда умаго не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...

Реадъ былъ именно такимъ генераломъ, у котораго рѣшительность не сопровождалась сообразительностью.

А Реадъ возьми да, спросту,
Поведи насъ прямо къ мосту;
Ну-тка на уру!

Совѣтъ, какъ гражд. Троцкій! Но у Реада дѣло кончилось плохо:

Вотъ «ура» мы зашумѣли,
Да резервы не поспѣли.

Такой же оборотъ приняло бы дѣло, если бы мы, усвоивъ себѣ тактику гражд. Троцкаго, принялись теперь дѣлать социалистическую революцію: не поспѣли бы резервы. Генералы Реады, которыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много въ нашей средѣ, крича о немедленномъ социалистическомъ переворотѣ, ничего, кромѣ пораженія, намъ не «гарантируютъ» и гарантировать не могутъ.

Я сказалъ, товарищи, что тактика, которую намъ предлагаетъ г. Троцкій, есть не что иное, какъ старая тактика бакунизма. Къ этому я, развивая свою мысль, прибавлю, что не только гражданинъ Троцкій разсуждаетъ а la Бакунины — нѣтъ, всѣ тѣ, которые, въ своихъ разсужденіяхъ о войнѣ, повторяютъ его доводы, — а надо сказать, что большинствомъ разнообразіемъ доводы эти никогда не отличались, — такъ вотъ, всѣ эти товарищи разсуждаютъ совершенно по-бакунински. Странное дѣло! Если, разбирая наши взгляды на войну, взять наши точки исхода, то окажется, что во многихъ отношеніяхъ мы совершенно согласны. Чтобы убѣдить васъ въ этомъ, я позволю себѣ прочесть нѣсколько строкъ изъ одной брошюры, написанной человекомъ, по своимъ взглядамъ на войну, чрезвычайно далеко отстоящимъ отъ меня, да, пожалуй, и отъ огромнаго большинства изъ васъ. Брошюра озаглавлена «Кому нужна война». Ея авторъ пишетъ:

«Войны прекратятся только тогда, когда сломлена будетъ власть капиталистовъ, когда отнята будетъ у собственниковъ-эксплуататоровъ возможность вредить народу, толкать его на путь кровавыхъ схватокъ». Что же дѣлать, чтобы прекратить войну? Нашъ авторъ отвѣчаетъ: «Надо отобрать всѣ фабрики, всѣ заводы, всѣ промышленныя заведенія у господъ капиталистовъ, надо захватывать земли у помещиковъ, копы и шахты у частныхъ владѣльцевъ. Когда самъ народъ будетъ владѣть всеми народными богатствами, будетъ самъ управлять государственной казною, будетъ самъ заботиться о нуждахъ и потребностяхъ всѣхъ гражданъ, будетъ хлопотать о процвѣтаніи родного края, будетъ стремиться къ братскому союзу народовъ между собою, тогда не будетъ болѣе войны».

И это вѣрно! Видѣ смыслъ этого утвержденія сводится къ тому, что когда возвратится на землѣ социализмъ, когда исчезнетъ эксплуатация одного класса другимъ внутри общества, тогда, — какъ говорили